

КРАСНАЯ НИТЬ

Сергей Шаповалов

Красная нить

«Автор»

2026

Шаповалов С.

Красная нить / С. Шаповалов — «Автор», 2026

Офисная рутина менеджера Павла Ивановича трещит по швам, когда вечерний ритуал с чаем оборачивается встречей с бездной. Найденная проклятая шкатулка становится порталом в мир вязких топей, оживших теней и вековых долгов. Чтобы не потерять рассудок и душу, Павлу предстоит пройти путь от запуганного «планктона» до хранителя древнего ужаса. Вместе с таким же сломленным скитальцем Игнатом он должен добраться до затерянного капища, чтобы запечатать голодную пустоту внутри артефакта. Но цена искупления — чужая кровь, а за ними по пятам идет древняя сущность, готовая предложить абсолютную власть в обмен на вечное рабство. Это мрачная городская фэнтези о том, что самая страшная трясина находится не под ногами, а внутри нас самих, и иногда единственный способ спастись — это добровольно шагнуть во тьму.

© Шаповалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чайный монстр и другие неприятности	5
Вещь, которая нашла тебя	7
Шкатулка, что шептала из темноты	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Шаповалов

Красная нить

Чайный монстр и другие неприятности

Знаете, как это бывает? Живешь себе в спальном районе Москвы, в съемной двушке на пятом этаже хрущевки. Мне сорок два года, зовут Павел Иванович, я разведен — супруга сбежала к фитнес-тренеру три года назад, детей не нажил, да и вообще жизнь моя напоминает старый, потертый чемодан: вроде бы всё при тебе, а радости никакой.

Я работаю менеджером по продажам чего-то там скучного, где нужно бесконечно звонить людям и впаривать им то, что им совершенно не сдалось.

Моя главная отрада в этом сером болоте — вечерний ритуал. Это святое! Как только за окном начинает темнеть, а город погружается в липкую осеннюю слякоть, я завариваю свой любимый чай с бергамотом. Этот аромат для меня — спасательный круг. Он пахнет надеждой, покоем и тем уютным миром, которого у меня нет. Запах цитруса и дыма... он обволакивает, словно теплый плед из верблюжьей шерсти.

Так вот, представьте картину: я сижу один-одинешенек за кухонным столом. За окном воеет ветер, швыряя мокрые листья в стекло, а внутри — тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов, которое бьет по нервам, как молоток судьи. В моей руке тяжелая керамическая кружка, над которой поднимается пар. Я делаю глоток, прикрываю глаза от удовольствия... и тут происходит странное.

Я опускаю взгляд в чашку. Обычно там плавает моё отражение: усталое лицо с мешками под глазами, трехдневная щетина и выражение вселенской тоски. Но сегодня вместо привычной физиономии я увидел нечто совершенно иное. Это было похоже на клубящийся туман, густой и черный, как чернила каракатицы. Из этой маслянистой мути медленно проступали черты. И это были не мои черты!

На меня смотрела какая-то древняя, хищная морда. Узкие, злые глазки-бусинки буравили меня прямо сквозь фарфор. Вместо носа зияла дыра, похожая на воронку от снаряда, а рот кривился в жуткой ухмылке, обнажая зубы-иглы. Эта рожа была похожа на помесь гоблина из дешёвого фэнтези и моего начальника Сергея Валерьевича, когда тот орёт на планерке. Она казалась живой, эта тьма шевелилась, дышала паром из моей же кружки. Мне показалось, что оно сейчас высунет язык, сделанный из чайной заварки, и лизнет меня изнутри.

У меня перехватило дыхание. Сердце ухнуло куда-то в район желудка, превратившись в ледяной ком. По спине пробежал табун мурашек размером с кулак. «Что за чертовщина?!» — пронеслось в голове. Метафора жизни, которая вдруг решила показать мне свою истинную, зубастую пасть?

Не придумав ничего умнее, я зажмурился так сильно, что перед глазами заплясали цветные пятна. А затем резко тряхнул головой, словно пытаюсь вытряхнуть эту дрянь из мозгов. Звякнула ложка о блюде. Я замер, боясь открыть глаза. Секунда тянулась вечность. Наконец, собрав всю волю в кулак, я снова посмотрел в чашку.

Там, в янтарной глубине остывающего напитка, снова отражался я. Обычный, уставший Павел Иванович. Всё те же мешки, та же щетина. Никакого демона. Никаких страшных зубов. Только моё испуганное бледное лицо.

«Переработал», — выдохнул я с облегчением, смешанным с остаточным ужасом. Нервы ни к чёрту. Наверное, просто свет лампы причудливо лег на поверхность чая, создав эту оптическую иллюзию. Или, может, это был знак? Знак того, что одиночество до добра не доводит и пора уже выключать этот бесконечный поток мыслей. Я сделал ещё один большой глоток, стараясь больше не смотреть в кружку, и уставился в окно, где мокрый фонарь пытался пронзить темноту двора своим тусклым светом.

Вещь, которая нашла тебя

Утро следующего дня обрушилось на меня, как ведро ледяной воды из окна второго этажа. Голова гудела, словно церковный колокол, а в висках стучала тупая, ноющая боль — верный спутник бессонной ночи. Кошмар, привидевшийся накануне, выветрился, оставив после себя лишь липкий осадок тревоги и смутное ощущение, что я забыл сделать нечто архиважное, например, выключить газ или запереть входную дверь. Впрочем, какая разница? Моя жизнь и так напоминала старый, потертый чемодан, в котором всё на своих местах, но радости от этого никакой.

Офис встретил меня привычным букетом ароматов: дешёвый кофе, пыль от ковролина и едва уловимый запах коллективной безысходности. Коллеги сидели за своими столами за мониторами, согнувшись в три погибели, словно вопросительные знаки, и напоминали жуков, закрывшихся в спячку до лучших времён. Наше общение было сведено к сухому кивку — ритуалу вежливости, который ничего не значил. Единственным живым существом в этом паноптикуме была Зинаида Петровна из бухгалтерии. Ее стол был крошечным оазисом тепла. Каждое утро она варила кофе с корицей, и этот аромат был для меня тем же, чем для потерпевшего кораблекрушение — обломок мачты: за него можно было ухватиться, чтобы не утонуть в серости будней. Я подходил к ней, брал крошечную чашечку и молча слушал ее бесконечные рассказы про кота-инвалида. Это был наш маленький, никому не понятный ритуал.

Рабочий день тянулся, как старая, пожелтевшая от времени жвачка. А потом меня вызвал к себе начальник, Сергей Валерьевич. Он не кричал. Его тихий, ровный голос был похож на скальпель хирурга: методичный, холодный и безжалостно вскрывающий все твои гнойники.

— Павел Иванович, голубчик... Я разочарован, — сказал он.

Эта фраза упала мне на душу тяжелым надгробным камнем. Вышел я от него с ощущением человека, которого только что публично выпороли на городской площади. В курилке я долго смотрел на тлеющий кончик сигареты. Дым поднимался вверх тонкими, безвольными струйками — так же бесцельно и никчемно, как и вся моя жизнь.

Вечером я побрел к метро на ватных ногах, чувствуя себя пустой оболочкой от человека. Задумавшись о своей горькой доле, я сел не в тот поезд и очнулся лишь через три станции,

выйдя на поверхность в совершенно чужом районе. Здесь всё было не так: дома стояли угрюмой, монолитной стеной, словно надгробные плиты на гигантском кладбище надежд. Я заблудился в лабиринте дворов-колодцев, где каждый поворот вел в тупик.

Сил идти дальше не было. Я тяжело опустился на мокрую скамейку, чувствуя себя старым кораблём, выброшенным на необитаемый берег. И тут мой взгляд упал на нечто странное. Из-под вороха пожухлых листьев выглядывал край чего-то металлического. Я наклонился и поднял находку.

Это была небольшая шкатулка без замка. Она походила на камень, обточенный морем до идеальной гладкости — древний, чужеродный артефакт, которому здесь было не место. Ни надписей, ни узоров — просто кусок старого металла странной, почти органической формы. Он был холодным. Нет, не просто холодным, как осенний воздух, а мертвецки ледяным.

Я повертел её в руках. Оставить? Выбросить? Искать хозяина? Я не успел принять решение. Внезапно мир вокруг замер. Тиканье часов в моей голове стало оглушительным. И в этой абсолютной тишине прямо у меня в мозгу прозвучал голос. Он был сухим и четким, как щелчок взведенного курка.

«Эта вещь нашла тебя. Или ты её».

Я вздрогнул и резко оглянулся. Никого. Только ветер гонял по асфальту пустой пакет. Сердце ухнуло куда-то в район желудка и превратилось в ледяной ком.

Весь вечер этот предмет давил на меня своей тяжестью и могильным холодом через ткань пальто. Но теперь к этому физическому давлению добавилось нечто иное — гнетущее осознание того, что это начало чего-то нового. Моя жизнь, напоминавшая старую заезженную пластинку с одной-единственной царапиной-рутиной, дала сбой. Игла соскочила с привычной дорожки. И я понятия не имел, какую какофонию она будет извлекать дальше и чего мне ожидать от этой проклятой находки. Я лежал в кресле, не раздевшись, и чувствовал себя человеком, который случайно нажал на кнопку «пуск» на приборе с инструкцией на неизвестном языке. Я стоял на пороге чего-то непостижимого, и чувствовал, что этот порог отделял мою прежнюю серую жизнь от новой, пугающей неизвестности.

Шкатулка, что шептала из темноты

Я долго не мог уснуть. Лежал в кресле, будто меня к нему прибили ржавыми гвоздями, и все поглядывал на шкатулку, которая лежала на столе под лампой. Она не блестела, не звенела, не делала ровным счетом ничего такого, что делают нормальные вещи. А всё равно от нее шло чувство, будто в комнате поселился чужой человек — тихий, невидимый и очень невежливый.

Часы на стене тикали с таким усердием, словно торопились досчитать мне до конца срок. За окном дул ветер, бился в стекло, как пьяный проситель в чужую дверь. Из кухни тянуло холодом, и этот холод, признаться, был не кухонный, а какой-то подземный, кладбищенский, будто в квартире приоткрыли дверцу в погреб, где лежат старые тайны и неприбранные грехи.

— Да что же ты за дрянь такая? — пробормотал я, глядя на шкатулку.

И, как назло, в ответ мне послышалось тихое царапанье.

Не громкое — нет. Так, будто мышь водила коготком по стеклу. Я вскинул голову. Тишина. Потом опять — царап-царап. Только уже не со стола, а будто изнутри самой шкатулки. У меня по спине пробежал такой холодок, что он, кажется, опередил собственную тень.

Я встал, подошёл ближе. Шкатулка лежала спокойно, как дохлая рыба на льду. Я осторожно коснулся ее пальцем — и тут же отдернул руку. Металл был ледяной, но не просто холодный. Он будто вытягивал из меня тепло, как голодный бедняк вытягивает из кармана последнюю медную монетку.

На крышке вдруг проступили тонкие линии. Сначала едва заметные, потом всё яснее. Они складывались в знак, похожий и на глаз, и на замочную скважину, и на что-то еще — такое, чему и названия-то не придумаешь. Знак медленно потемнел, а потом шевельнулся.

Да, именно так: шевельнулся.

Я отступил назад, задел стул, и он с грохотом упал на пол. В тишине это прозвучало, как выстрел в соборе.

И тут из шкатулки раздался голос. Тот самый. Сухой, чёткий, как щелчок ножниц по нитке.

— Открой.

Я схватился за край стола, потому что ноги у меня стали ватные, словно их вымачивали в дождевой воде. Сердце билось так, будто хотело выскочить и убежать первым.

— Кто... кто это говорит? — выдавил я.

— Ты уже знаешь, — ответил голос.

Вот тут мне сделалось совсем не по себе. Потому что он был прав: я и правда знал. Не разумом — нет. А чем-то глубже, тем местом в человеке, где прячутся старые страхи, как крысы в подполье.

Я не хотел открывать шкатулку. Честное слово, не хотел. Но руки сами потянулись к ней, как будто их дернули за невидимые ниточки. Крышка была без замка, без защелки — просто гладкая, тяжелая пластина. Я поддел её ногтями, и она, скрипнув, приоткрылась.

Изнутри не вылетело ни дыма, ни пламени, ни чертей с вилами, как это любят показывать в детских страшилках. Нет. Оттуда поднялся слабый запах — старой бумаги, сырой земли и чего-то ещё, очень знакомого, но забытого. Запах ударил мне в нос, и перед глазами вдруг мелькнула картинка: узкая улица, мокрый снег, фонарь, под которым кто-то стоит и зовет меня по имени.

Я отшатнулся.

И тут, как назло, в квартире щелкнул выключатель. Свет в комнате моргнул и погас.

Я стоял в темноте, с ключом в руке, и слышал, как где-то в глубине квартиры открылась дверь в шкаф.

Медленно.

Со скрипом.

Хотя я был совершенно уверен, что никакую дверь не открывал.

— Павел... — прошептал кто-то из коридора.

Я узнал голос.

Это была моя мать.

Только мать моя умерла семь лет назад.

Я не смог даже закричать. Горло будто залили расплавленным свинцом. А в темноте, за стеной, послышались шаги — мягкие, тяжелые, как будто кто-то босиком шел по старому ковру.

Шаг. Ещё шаг.

И ещё.

А потом тихий стук во входную дверь.

Тук.

Тук.

Тук.

Я хотел бы сказать, что я повел себя храбро, как герой из книжки. Хотел бы сказать, что схватил шкатулку и швырнул её в окно, а потом перекрестился три раза и прочитал молитву. Но правда была куда смешнее и горше: я просто сел на пол, как мешок с картошкой, и уставился в темноту.

Тишина навалилась на меня всей своей тяжестью, как мокрое одеяло на больного. И вдруг я понял одну вещь: шкатулка не просто нашла меня.

Она знала меня.

Знала, как знает старый долг своего должника. Знала мое имя, мою усталость, мои бессонные ночи, мою пустую жизнь, где всё было расставлено по полочкам, а душа валялась где-то под диваном, как забытая пуговица.

И тут в дверь снова постучали.

На этот раз громче.

Я медленно поднял голову.

И увидел, как из-под двери начинает просачиваться тонкая чёрная полоска — будто в квартиру ползла сама ночь, живая, вязкая и очень голодная.

Паника, черная и вязкая, как смола, охватила меня. Я хотел разжать пальцы, бросить проклятую вещь, но рука окаменела, приросла к теплему, пульсирующему металлу. И тогда из самой сердцевины ларца, из его железного нутра, послышался тихий, настойчивый стук.

Тук. Тук. Тук.

И в этом звуке заключалась вся суть моего кошмара. Я понял, наконец, всё. Это не я пытаюсь заглянуть в чужую историю. Это история, тяжелая, как могильная плита, уже выбила дверь моей души и теперь стучится ко мне, требуя впустить. И я открыл.

Казалось, эта полоса тьмы живая, и внутри неё, в самой её смоляной утробе, копошились чьи-то чужие, нездешние имена, шептались на языках, от которых стынет кровь в жилах и меркнет свет божий.

Страх мой был не тот, что заставляет бежать сломя голову. О нет! То был липкий, тягучий ужас, который обволакивает тебя всего, проникает под кожу и оседает на костях свинцовой тяжестью. Он грыз меня изнутри, точил, как мышь прогрызает ход в старом гробу. Но вместе со страхом родилась и злоба — глухая, первобытная ярость на весь этот мир, устроенный столь нелепо и жестоко. Что нужно от меня этой безглазой дряни?

— Чего тебе?! — возопил я.

Я схватил её обеими руками, чувствуя, как кожа шипит и плавится, и рванул крышку на себя.

Раздался звук, какого не должно быть в мире живых. Будто лопнул самый последний шов на ветхом саване мира, или треснула крышка древнего гроба, выпуская на волю вековой смрад. Пространство вокруг меня содрогнулось и осело, как прохудившийся театральный полог. Пол ушел из-под ног, превратившись в бездонную пропасть, стены вытянулись вверх бесконечными серыми нитями, а потолок рассыпался в прах и туман. Я падал, но не телом — всем своим существом, всей своей судьбой летел я в эту бездну забвения.

Шкатулка помнящая имена

Очнулся я от холода. Не от зимнего морозца, а от той мертвящей стужи, что идет от самой земли, впитавшей слишком много слез. Лежал я ничком на мокрой, осклизлой земле, пахнувшей тиной и разложением. Над головой нависало небо — низкое, свинцовое, лишенное даже намека на звезды, словно бог отвернулся от этого места навсегда. Дул ветер, но то был не ветер. То дышала сама пустота, шевеля пожухлую траву сухим, надтреснутым шепотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.